
Наш разговор бессмыслен и нарочит,
Хоть умывай тебя из 0,5 боржоми,
Я бы любила небо, оно молчит,
И вообще хорошее, и большое.

Старый квартал приземист и коренаст,
Эта небрежность стиля — в его природе,
Я бы любила время, оно у нас
Местное, и, что приятно, всегда приходит.

Если продолжить сущностей этих ряд:
Пусть поцелуи долго саднят на коже -
Я бы тебя любила, но, говорят,
Будто с живыми, - с мертвыми так негоже.

Душ выключи. Забудь о феврале.
Взгляни в окно расслабленно и бегло:
Там зной решился в паспортном столе

Переменить фамилию на пекло.

Река мелела, погибал ручей,
Бежала прочь вечерняя прохлада,
И небо становилось горячей
Сковороды обещанного ада.

Безветрие играло в города,
Жара крошила скулы истукана,
И высыхала горькая вода
В глазницах мирового океана.

Когда срывает кромку у конька,
Мир выглядит пугающе и просто:
Выходишь из кручёного прыжка
На скорости
не ниже девяноста.

И — лезвием раскинувшийся лёд,
Точильным камнем, фугой фортепьянной,
Кто ты себе, когда тебя ведёт
Власть
гравитационной постоянной?

Последний метр колюч и серебрист,
Миг перед болью взвешен и сосчитан,
Но ты не хоккеист, а фигурист,
И бьюсь в лёд
без маски и защиты.

Плеснуло изнутри — обида, ряска, плесень,
Скорее отвернись и в сторону плыви,
Пока он был живой — он был неинтересен,
Я покажу тебе гниющий труп любви.

Чем глубже режет нож и слово — тем дороже,
Кто чашу не пронёс — упал вблизи стола,
Когда рассвет шипит и падает на кожу —
Неважно, карамель кипит или смола.

Беспамятства напалм честнее, чем холера,
Реестр округли до первой запятой,
Так было у Рабле, так было у Бодлера,
Так сбудется у всех, кто обведён чертой.

Для чего бы им огарки?
Души стёрты до мездры.
То ли мойры, то ли парки,
Три ли чеховских сестры.

Им не жарко, им не жалко,
Здесь они для всех закон:
Три — кусцы, кудель и прялка.
Камень, ножницы, картон.

Смотрят манко, пахнут манго,
И поди поразличай,
Кто вакханка, кто шаманка,
Кто вселенская печаль.

Когда понимаешь, на что обречён,
Вы все не спасаете, где вам, —
Ни Зигмунд,
 стоящий за правым плечом,
Ни Эрик,
 стоящий за левым.

В укрытие, сердце, дыши невзатяг

И не выходи из-за тела,
Решительно ясно, что делать,
и так
Не хочется этого делать.

Рябины много — к тягостной зиме,
А мы ещё не осознали солнца,
Слова внахлёт ложатся, как в письме
Четырнадцатилетнего веронца.

Фонема из асфальта проросла
И потянулась вечности навстречу,
Но не хватает света и тепла
На кубометры скошенных наречий.

Земля больна и потому строга,
Не отправись, идя по ней босая,
И снова осыпается строка,
Выветриваясь и перемерзая.

Заведено на сорок оборотов
Не самое астральное из тел,
Оскалившихся в крике, криворотых,
Рывком переползающих предел.

А дальше мир становится картонней,
С обрывками акцизного клейма,
И линиями жизни на ладони
Утра прошита линия ума.

Она вскипает — белая, простая,
И лопасти взбивают молоко,
А жизнь — она тут часто пролетает,
Должно, аэропорт недалеко.